

■ П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Е   З В Е З Д Ы

Алиса и страна чудес

обласия, 2000 - 3-й выпуск 11

Алиса. Так ее за глаза называют в театральном мире почти все. В Грузии, например, никогда не скажут — «Шота Руставели» или «Галактион Табидзе». Если человек по-настоящему значителен, фамилия (принадлежащая отцу, роду) как бы отделяется от него, а остается он сам — один на всю Грузию Шота и один Галактион. И одна на Россию — Алиса.

— Алиса Бруновна, начнем с начала. Что значит для вас город, который за окнами?

— Мы с мамой оставались здесь всю блокаду, дом стоял рядом с Исаакиевской площадью, этот пятачок не бомбили, немцам была нужна «Астория». Они собирались там устроить банкет победителей. Но в дом все-таки попал немецкий снаряд. Однажды дом пострадал еще раз, но от нашего снаряда. По ошибке... Я не должна была тогда выжить. Петербург — это город, где я родилась дважды.

— В институте вашим учителем был легендарный Борис Вульфвич Зон. На праздновании его 100-летия вышли вы, Зинаида Шарко и Наталья Тенякова — это был

«живой памятник» Школе. Что для вас значила школа Зона?

— Все, кого учил Зон, стали высокими профессионалами. У него как будто был точно написанный задачник работы над ролью и над собой. Опорой была система Станиславского, из нее он и выработал свой «задачник». Что такое держать ритм, что такое первый и второй план, что — «курсив» и что «мелкий шрифт»... И очень скрупулезно он учил нас партнерской этике. Что такое «тянуть на себя одеяло», знает каждый. А он учил, как не тянуть, как выстроить свою сценическую жизнь.

— В какой момент своей жизни, в какой возраст вы хотели бы вернуться?

— Конечно, в 70-е годы и в театр Ленсовета. Это было волшебное время: житейская зрелость, профессиональный опыт, силы. Это совпало и со зрелостью театра. Владимир до конца 60-х собирал труппу, искал ракурс, в котором театр будет развиваться. И вот с 1970-го начался альянс с Геннадием Гладковым и возникли музыкальные спектакли — «Укрощение строптивой», «Дульсинея Тобосская», «Люди и

страсти». Все рождалось прямо на репетициях... Зрители, чтобы купить билеты, дежурили ночами.

Но как ругали Владимирову за все спектакли, за все! Критика просто уничтожала каждую новую работу. И в конце концов он опустил руки, пил и делал уже что-то только по инерции.

...Год назад в театре Ленсовета, в отсутствие больного Игоря Петровича Владимирова, отметили его юбилей. Играли отрывки старых спектаклей — Анатолий Равикович, Ирина Мазуркевич, Михаил Боярский. Сцены, которые казались когда-то легкими, с годами «настоялись», как старое вино...

Фрейдлих сидела в зале. Только в финале она вышла на сцену — пропеть зонг «Она угасла...» из спектакля «Люди и страсти». Вышла абсолютно такая же, какой была двадцать лет назад, будто из конца 70-х... Та же, но с волнением Артистки, выходящей не просто на сцену, а на Эту сцену. «Она угасла...» — это было о том театре, о его душе, о Владимирове, это было прощание, прощание, гимн.

— ...А в БДТ я пришелец. Если

бы Георгий Александрович прожил дольше, наверное, было бы по-другому. Но его не стало. Спросите меня, что я за пятнадцать лет в БДТ сыграла для своей души — Аманду в «Стеклянном зверинце», три дивертисмента в «Пылком влюбленном» и вот сейчас — «Калифорнийскую сюиту».

— Вы жалеете о несыгранных ролях?

— Я мечтала о булгаковской Маргарите. Но когда я могла ее сыграть, было нельзя, а когда стало можно — уже не могла. Хотела играть в «Вестсайдской истории». Не сыграла. Начала играть Джульетту в замечательном спектакле Владимирова, но как раз тогда у меня надумала родиться Варька. Когда я вернулась, спектакль не восстановили по смешной причине. Костюмы к нему были сшиты из джерси за огромные деньги в известном всему Ленинграду ателье «Смерть мужьям»: джемпера, лосины, свитера. Пока я рожала, моль сожрала все костюмы, и театр не нашел денег на новые.

А сейчас нет интересных ролей для актрис моего возраста. Я сопротивляюсь, делаю концерт-

ные программы, не отказываюсь от работы на стороне, храбрюсь... Но быть просто занятой мне неинтересно. Мне интересна метаморфоза, которая заключена в судьбе, в характере, в жизни персонажа, а просто результат неинтересен. Да и что играть результат, когда уже в таком дефиците жизненное время? По крайней мере, для меня.

— Откуда вы черпаете силы?

— Актер может даже не осознавать этого, но все, что происходит с ним в жизни, все, что несет с собой испытание (с плюсом или с минусом), — это все горючее для сцены. Нельзя тратить в жизни безудержно, так, чтобы потом ничего не осталось для сцены. Нельзя тратить в театре так, чтобы в жизни все скользило мимо.

— Ваша дочка Варя окончила актерский, но актрисой не стала...

— Она, было, пошла к Падве, но Владимиров сказал: «Как это моя дочь будет учиться не у меня?!» — и перевел ее на свой курс. Может быть, если бы этого не случилось, она сейчас была бы актрисой. Кроме того, ее все время смущали эти сравнения: вот папа, мама, дед... И потому, считает она, в ней не возникло необходимой свободы, раскованности...

Зон говорил: «Актер должен обладать достаточной долей нахалина». Не нахальства, а нахалина. Видимо, у меня был этот самый нахалин, а у Варьки нет.

— Что нынче приносит вам радость?

— Конечно, внуки. Я всегда запаздывала с развитием, и хотя Варька родилась поздно, но я сама все еще была недопеском и мало что понимала. В результате сейчас этот клубочек — Варя и ее дети — я воспринимаю как единое общее. Все трое — это мое суммированное дитя.

Недавно театр Ленсовета праздновал 30-летие спектакля «Малыш и Карлсон». На сцене, сменяя друг друга, играли все шесть составов, в том числе первый Малыш — Алиса Фрейдлих. Опять в коротких штанишках, опять озорная и лохматая, она носилась из кулисы в кулису, совсем забыв о возрасте. В третьем ряду сидели Варя, Никита и Аня, а дальше — полный зал детей и родителей всех поколений. «Поразительно, как можно повернуть время на пятнадцать лет назад», — сказал мне мой сын. А для кого-то время повернулось на двадцать, на тридцать лет. Ведь это театр — страна чудес.

Но, когда Малыш-Фрейдлих неслся из кулисы в кулису, на пути оказался кинооператор. Чтобы не сбить его, Алиса резко свернула и врезалась в портал, сломав палец на ноге. До сих пор играет в тапочках. Но как говорится в пьесе Стоппарда «Аркадия», где Фрейдлих сейчас играет леди Крум: «Это стояло того! Это было прекрасно!» И это действительно было прекрасно.

Марина ДМИТРЕВСКАЯ

3.2.2000.
Фрейдлих Алиса Бруновна